

УДК 343.13

DOI: 10.24420/KUI.2019.22.92.015

И.И. Сухова

**СИСТЕМА ПРАВОВЫХ И НРАВСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ
ПРЕСЕЧЕНИЯ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ГАРАНТИЯ**

**THE SYSTEM OF LEGAL AND MORAL CORRELATIONS
WHEN DEALING WITH MEASURES OF RESTRAINT
AS A PROCEDURAL GUARANTEE**

Введение: в статье рассматривается соотношение нравственных и правовых отношений, складывающихся при решении вопроса об избрании меры пресечения. Наиболее привлекательными для правоприменителя остаются самые жесткие меры пресечения, в частности заключение под стражу. В числе причин чрезмерной распространенности указанных мер пресечения – недооценка должностными лицами, взаимодействующими при избрании меры пресечения, нравственных начал.

Материалы и методы: в ходе исследования применялись различные методы: материалистической диалектики; социологический, исторический, формально-юридический и др. Материалами исследования стали положения уголовно-процессуального законодательства, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам правоприменительной практики, труды классиков уголовно-процессуальной теории и современных авторов; статистические данные; материалы изученных уголовных дел.

Результаты исследования: правовые отношения в уголовном процессе всегда находятся во взаимосвязи с нравственными отношениями, однако не всегда с ними совпадают. Нравственные отношения способны оказать решающее влияние на обеспечение законности, обоснованности и справедливости избрания меры пресечения.

Обсуждение и заключения: автор статьи полагает, что наличие нравственных отношений в уголовном судопроизводстве необходимо обозначить на уровне законодателя, а их осознание правоприменителем – главное условие законного, обоснованного и справедливого избрания меры пресечения.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные отношения, нравственные отношения, меры пресечения, нравственные начала уголовного процесса, основания избрания мер пресечения

Для цитирования: Сухова И.И. Система правовых и нравственных отношений при принятии решения об избрании меры пресечения как процессуальная гарантия // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 1. С. 96-102. DOI: 10.24420/KUI.2019.22.92.015

Introduction: the article deals with the correlation of moral and legal foundations when dealing with measures of restraint. Strict measures of restraint particularly taking into custody are preferable for an enforcer. One of the reasons of frequent choose of strict measures is undervaluing morality by enforcers.

Materials and Methods: in the course of the study various methods were used: materialistic dialectics; sociological, historical, formal legal etc. The materials of the study were the provisions of criminal procedure legislation, legal positions of the constitutional Court of the Russian Federation, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on law enforcement, works of masters of criminal procedure theory and modern authors; statistical indicators; materials of the studied criminal cases.

Results: legal relations in criminal proceedings are always in connection with moral relations, but do not always coincide with them. Moral relations can have a decisive influence on ensuring the legality, validity and fairness of preventive measure.

Discussion and Conclusions: the author of the article states that the existence of morality in criminal proceedings should be indicated at the level of the legislator, and a law enforcement agent should adhere to morality. This adherence is the main condition for the lawful, reasonable and fair election of a preventive measure.

Key words: criminal proceedings, criminal procedural relations, moral relations, preventive measures, moral principles of criminal process, guarantees, legality, validity, justice

For citation: Suhova I.I. The system of legal and moral correlations when dealing with measures of restraint as a procedural guarantee // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2019. V. 10, N 1. P. 96-102. DOI: 10.24420/KUI.2019.22.92.015

Введение

Невзирая на активную деятельность законодателя по корректированию уголовно-процессуального законодательства, современная сфера уголовного судопроизводства недостаточно совершенна. В связи с этим руководство страны, правоохранительных структур, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации неоднократно заявляли о необходимости реформирования данной сферы¹.

Безусловно, меры правового характера по повышению качества уголовно-процессуальной деятельности далеки от совершенства. В этом одна из причин ее недостаточной эффективности. Однако сегодня становится все яснее, что одного законодательного ресурса для исправления ситуации недостаточно. В настоящее время в сфере уголовного судопроизводства в полной мере сказываются те просчеты в уголовно-процессуальной политике, которые были допущены на стыке XX и XXI веков.

В числе этих просчетов – полное забвение духовно-нравственной составляющей жизни общества, пренебрежение достижениями науки, особенно науки советского периода, слабая теоретическая обоснованность ряда законодательных новелл.

Как итог – уголовное судопроизводство России, включая уголовно-процессуальное законодательство, сегодня особенно нуждается в нравственности и хорошей теории.

Возможно, два этих «ключа» позволят разрешить застарелую проблему законного, обоснованного, справедливого применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве, некоторые из которых по жесткости вполне сопоставимы с наказанием².

Яркий индикатор неблагополучия – статистические показатели, характеризующие состояние правоприменительной практики в части избрания мер пресечения.

Так, в 2015 году заключение под стражу применялось в 140 457 случаях (45% от всех возможных случаев)³, домашний арест в 4 676 случаях, залог в 190 случаях; в 2016 году: заключение под стражу – 121 796 (43% от всех возможных случаев),

домашний арест – 6 056, залог 229; в 2017 году: заключение под стражу – 123 296 (48% от всех возможных случаев), домашний арест – 6442, залог – 135). Заключение под стражу остается самой «привлекательной» для правоприменителя мерой пресечения. Современные суды оказались не гуманнее санкционировавших заключение под стражу прокуроров советского периода.

Конечно, уголовно-процессуальное право – публичная отрасль права и публичность – его определяющая категория. Уголовный процесс – средство обеспечения национальной безопасности, без принуждения просто неэффективное. В первую очередь оно направлено на выявление действительно виновных в совершении преступлений, привлечение их к уголовной ответственности и назначение им справедливого наказания. Однако верно и то, что «без полноценной защиты эффективно бороться с преступностью невозможно» [1, с. 112-113, 118, 140].

Иначе говоря, если меры пресечения, избираемые в ходе производства по уголовному делу, несправедливы, применены без учета доказанности оснований, без оглядки на условия, вместо эффективной борьбы с преступностью начинает развиваться обратный эффект – недовольство населения страны, неверие в законность, в порядочность должностных лиц, осуществляющих уголовный процесс.

Материалы и методы

При проведении исследования применялись различные методы, такие как материалистическая диалектика (система правовых и нравственных отношений рассматривалась во взаимосвязи с рядом иных философских и процессуальных проблем – нравственности, избрания мер пресечения, полномочий участников уголовного процесса и др., в развитии и с учетом современной социальной и криминальной обстановки в стране); социологический, исторический, формально-юридический.

Материалами исследования стали положения уголовно-процессуального законодательства, правовые позиции Конституционного Суда Россий-

¹ Выступление Президента Владимира Путина на расширенном заседании коллегии МВД России от 28 февраля 2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56949> (дата обращения: 12.02.2018); Выступление Президента Владимира Путина на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 февраля 2018. URL: <http://https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1333942/> (дата обращения: 12.02.2018); Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 г.: доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 16 апреля 2018 г.; Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год от 16 апреля 2018 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2019).

² По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2018 г. № 12-П. Доступ из СПС «ГАРАНТ.РУ» (дата обращения: 12.02.2019).

³ Доля всех уголовных дел, по которым возможно было избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, исходя из санкции (свыше 3 лет лишения свободы).

ской Федерации, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам правоприменительной практики, труды классиков уголовно-процессуальной теории и современных авторов; статистические данные; материалы изученных уголовных дел. Использован личный опыт правоприменительной деятельности автора.

Обзор литературы

Обратимся к первому «ключу» – теории вопроса о процессуальных отношениях и роли в уголовно-процессуальной деятельности. Без правильного понимания их сущности невозможно правильное отношение к осуществлению уголовно-процессуальной деятельности.

До настоящего времени вопрос о том, нужно ли закладывать в определение уголовного процесса указание на систему правовых отношений, возникающих в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности, остается спорным.

Достаточно часто (например, в работах М.А. Чельцова-Бебутова, Д.С. Карева, М.И. Бажанова, Ю.М. Грошевого) можно встретить точку зрения, согласно которой уголовный процесс – это деятельность органов расследования, прокуратуры, суда, заключающаяся в расследовании и разрешении уголовных дел, в раскрытии преступлений, изобличении и справедливом наказании лиц, совершивших преступления, в предупреждении преступлений [2, с. 12]. Существует точка зрения о том, что уголовный процесс – это особый, точно регламентированный нормами права порядок возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения дел о преступлениях [3, с. 10]. Сторонники такого подхода к определению уголовного процесса отмечают, что дополнять понятие уголовного процесса указанием на правоотношения, нет необходимости по причине того, что правоотношения – это признак любой правовой деятельности, а не только уголовного процесса [4, с. 54].

Данные определения, по сути, конечно, верны, поскольку деятельность органов, осуществляющих уголовный процесс, вне правовых отношений не существует. С нравственной точки зрения включение в определения уголовного судопроизводства указания на это обстоятельство позволяет подчеркнуть, что субъектами (а отнюдь не объектами уголовного процесса) являются также лица и организации, не наделенные в ходе уголовного судопроизводства властными полномочиями. Кроме того, характеристика уголовного процесса только с точки зрения деятельности должностных лиц, наделенных властными полномочиями, снижает роль правовых отношений в судопроизводстве [5, с. 60].

Нам близок подход, согласно которому уголовный процесс – это система правоотношений

(М.С. Строгович, Л.Д. Кокорев, А.Д. Бойков, В.П. Божьев) [6, с. 66, 7, с. 35]. Именно такой взгляд позволяет рассмотреть уголовный процесс со стороны взаимодействия всех вовлеченных в него субъектов, а не только со стороны деятельности должностных лиц.

М.С. Строгович определял уголовно-процессуальные правоотношения как правовую форму деятельности следствия, прокуратуры и суда, осуществляющих возложенные на них задачи, а саму эту деятельность – в качестве содержания уголовно-процессуальных отношений [6, с. 34]. П.С. Элькинд видел уголовно-процессуальные правоотношения и как предмет правового регулирования, и как результат такого регулирования [8, с. 10]. По мнению В.П. Божьева, уголовно-процессуальные правоотношения – это результат взаимодействия нормы права с общественным отношением [9, с. 87]. В.Н. Шпилев усматривал в правоотношении внутреннюю форму уголовного процесса, в отличие от его внешних форм, выражающихся в самом порядке процессуальной деятельности [10, с. 125].

Склоняясь к точке зрения о деятельности как о содержании правоотношения [9, с. 4] (действительно, реализуя права и исполняя обязанности, участники процесса создают новую сущность – действия, которые не могут считаться формой правоотношения, ибо последней должна быть категория заранее заданная), полагаем, что в этом случае систему правоотношений, складывающихся в ходе уголовно-процессуальной деятельности, следует считать формой всего уголовного судопроизводства, а уголовно-процессуальную деятельность их субъектов (участников уголовного судопроизводства) – содержанием уголовного процесса. Каждое конкретное правоотношение как элемент формы уголовного процесса возникает на основе общественного отношения (общественной связи) участников уголовного судопроизводства, которая урегулирована нормой права.

Поскольку норма права всегда имеет определенный нравственный «заряд», любое правоотношение всегда одновременно и нравственное отношение, т.е. отношение, регулируемое нравственными нормами, действующими через нормы правовые.

И здесь не обойтись без второго «ключа» – нравственности.

Представляется, что при принятии решения об избрании мер пресечения значение нравственных начал явно недооценивается, а в ряде случаев и попросту игнорируется, будучи затмеваемым системой правовых отношений. По крайней мере, многочисленные решения судов об избрании тех или иных мер пресечения, продлении сроков их применения вызывают широкий общественный

резонанс, оцениваются обществом как явно несправедливые, а следовательно, не обеспечивают функцию публичности уголовного процесса, вызывая у жителей страны ощущение тревоги и собственной незащищенности [11, с. 284-290].

Результаты исследования

В последнее время противоречия между моралью и правом обостряются. Однако происходит это не потому, что мораль «многоаспектна, противоречива, имеет «гибридную» природу», как считает, например, Р.Б. Головкин [12, с. 104], а ввиду очевидного забвения традиционных отечественных нравственных ценностей, разрушения морали в конце прошлого века и серьезного влияния на нее производственных отношений капиталистического толка (так и не прижившихся в России в царское время), неизбежно порождающих стимулирование в человеке аморальных качеств – индивидуализма, эгоизма, стяжательства и т.д.

Роль нравственных начал в уголовно-процессуальной деятельности, первичность которых подчеркивалась еще в классической работе А.Ф. Кони [13], в уголовном судопроизводстве трудно переоценить, поскольку его особенностью являются жесткие механизмы принуждения, позволяющие ограничивать конституционные права человека, без чего в ряде случаев не обеспечить «абсолютную» конституционную ценность – безопасность общества, государства и личности от преступности [14, с. 112].

В связи с этим вмешательство в конституционно-охраняемую сферу должно быть не только законным, но и прежде всего справедливым, что подразумевает непереносимое соответствие действий и решений представлениям общества о должном, правильном, допустимом. [15, с. 62-71, 17, с. 190].

А.Ф. Кони не без оснований отдавал приоритет в исследовании проблем уголовного процесса «нравственной призме». «Нравственным началам принадлежит в будущем первенствующая роль в исследовании условий и обстановки уголовного процесса. Настало время осветить те разнородные вопросы, возникающие в каждой стадии процесса, которые подлежат разрешению согласно существенным требованиям нравственного закона – этого *nonscripta, sed natalex* (лат.: не писанный, а естественный закон). ... должно пойти развитие истинного и широкого человеколюбия на суде» [13, с. 78-79].

Слова А.Ф. Кони весьма актуальны и для настоящего времени. Именно недостаток нравственных основ, о необходимости возвращения к которым

Президент Российской Федерации В.В. Путин говорил еще в 2012 г.¹, ощущается сегодня и в уголовном судопроизводстве.

Нравственные отношения в уголовном судопроизводстве отражают систему нравственных отношений в обществе, производны от нее. Правила нравственного толка формулируются не государством, хотя бы и действующим в условиях подлинной демократии, а самим обществом, берут начало в человеке и в последующем становятся объективной реальностью, существующей в обществе как внешняя сила [17, с. 64].

При всех разных подходах к вопросу о существовании особой «профессиональной морали» [18, с. 4, 19, с. 13-14] для дознавателя, следователя, прокурора, судьи – она, если ее признавать, может состоять только в повышенных требованиях к их нравственному уровню и никак не допускает каких-либо изъятий из общих нравственных требований [20, с. 89].

В связи с этим недостаточная эффективность уголовного судопроизводства, неверие населения страны в его справедливость обусловлены не только еще не преодоленным правовым нигилизмом жителей, но и искаженными нравственными представлениями участников уголовного судопроизводства, в том числе и должностных лиц, его осуществляющих.

Итак, правовые отношения бесполезны без нравственных. Два «ключа» должны работать вместе. Уголовное судопроизводство – морально-правовая система.

Принятие законного, обоснованного и справедливого решения всегда обусловлено не только соблюдением норм права (которые должны быть изначально моральны, что бывает, к сожалению, не всегда), но и неуклонным следованием моральным нормам, которые в уголовном судопроизводстве регулируют деятельность его участников не только через правоотношения, но и в рамках самостоятельной системы нравственных отношений.

В ряде случаев нравственность является непосредственным регулятором общественных отношений, в то же время урегулированных и нормами уголовно-процессуального права. Так, при наличии оснований для избрания меры пресечения выбор конкретной меры определяется, прежде всего, нравственными качествами должностных лиц, уполномоченных на ее избрание.

Нравственные отношения, кроме того, возникают между участниками уголовного судопроизводства и вне отношений правовых. Именно они в большинстве случаев попросту игнорируются,

¹ Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2012 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.02.2019).

участник уголовного процесса не осознает себя их субъектом. Вряд ли стоит отрицать, что при решении вопроса об избрании меры пресечения следователь, дознаватель, прокурор, судья (если мера пресечения избирается по судебному решению) вступают в отношения, урегулированные не только нормами права и одновременно нравственными нормами, но и исключительно – нравственными нормами. При этом нравственные отношения, в отличие от правовых, строятся не только по типу «государственный орган – личность», но и «личность – личность».

Например, при избрании меры пресечения, допускаемой только по судебному решению, складывается следующая система процессуальных отношений: 1) правовые¹ (между: следователем и руководителем следственного органа; судьей и следователем; судьей и должностным лицом, поддерживающим ходатайство; судьей и прокурором; судьей и обвиняемым, подозреваемым, его защитником); б) нравственные, возникающие при реализации норм права, влекущих возникновение правовых отношений; в) нравственные, не регулируемые нормами права (между: следователем и прокурором; руководителем следственного органа и прокурором; следователем и обвиняемым, подозреваемым; следователем и потерпевшим; судьей и потерпевшим; прокурором и обвиняемым, подозреваемым, прокурором и потерпевшим и др.).

Относительно последней группы нравственных отношений предвидим возможные возражения. Между тем, принимая решение об избрании меры пресечения (или возбуждении перед судом соответствующего ходатайства), соответствующие должностные лица обязаны ощущать свою ответственность не только перед субъектами правоотношений – должностными лицами или административными руководителями, но и перед теми, в интересах кого осуществляется уголовное судопроизводство, чьи нравственные страдания могут быть обусловлены принятым решением. А это широкий круг участников судопроизводства. Действительно, разве следователь, судья не должны испытывать чувство стыда перед обвиняемым, в отношении которого избирается явно несправедливая по своей жесткости мера пресечения? Или перед потерпевшим, когда данная мера явно чрезмерно, мягка?

В значительной мере бесстыдной является практика избрания меры пресечения в виде заключения под стражу без реальных доказательств наличия оснований, предусмотренных ст. 97 Уголовно-процессуальным кодексом РФ. Очевидно,

что безнравственно считать такими доказательствами наличие заграничного паспорта, принадлежность обвиняемого к органам внутренних дел или иной правоохранительной структуре, наличие юридической подготовки и т.д. Следователь, руководитель следственного органа, прокурор, судья, предлагающие или соответственно поддерживающие такие «доказательства», не испытывающие при этом чувства стыда, явно не обладают нравственными качествами, необходимыми для представителей таких профессий.

К сожалению, крайне редкими являются случаи, когда следователь, вступая с руководителем следственного органа в правовые и одновременно нравственные отношения по поводу согласования постановления о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, проявлял бы принципиальность и отстаивал свою нравственную позицию, используя предоставленные ему для этого (и, надо сказать, достаточные) правовые средства.

Рискнем поставить вопрос шире. Учитывая публичный характер уголовного судопроизводства, нравственную ответственность, в том числе и при избрании меры пресечения, должностные лица, осуществляющие уголовный процесс, должны ощущать перед населением страны, которое по справедливости уголовного процесса судит о нравственности государства. Следовательно, властные участники уголовного судопроизводства вступают в нравственные отношения с обществом, с жителями страны.

Обсуждение и заключения

Таким образом, нравственные отношения, наряду с правовыми, представляют собой сущность процессуальных отношений [21, с. 112, 124, 136; 22, с. 29] и являются формой уголовного судопроизводства, даже если не сопровождаются правовыми отношениями.

Для того чтобы решение об избрании меры пресечения было обоснованным, законным и справедливым, субъекты, взаимодействующие при избрании меры пресечения (следователь, руководитель следственного органа, прокурор и судья), должны осознавать, что они являются участниками отношений правовых и отношений нравственных. При этом нравственно оправданные действия возможны только в том случае, когда участники нравственных отношений обладают необходимыми нравственными качествами: чувством справедливости, честностью, принципиальностью, совестью, ответственностью. Должностные лица должны осознавать, что нрав-

¹ Должны носить нравственный характер в силу предполагаемой нравственности уголовно-процессуального закона.

ственные начала были и всегда будут основным регулятором отношений в уголовном процессе, включая отношения, возникающие при решении вопроса об избрании меры пресечения.

К сожалению, законодатель скуп на нравственные категории в тексте закона. Между тем сам факт их существования в законе выполнял бы заметную воспитательную роль, ориентируя пра-

воприменителя на действия по совести, во имя справедливости, по законам чести. Нравственные категории в уголовно-процессуальном законе – значимый фактор развития в правоприменительной деятельности нравственных отношений, которые выступают важнейшей гарантией законного, обоснованного и справедливого избрания меры пресечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М.: Юристъ, 1999. 392 с.
2. Бажанов М.И., Грошевой Ю.М. Советский уголовный процесс. Киев: Вища шк., 1978. 471 с.
3. Алексеев Н.С., Лукашевич В.З., Элькинд П.С. Уголовный процесс. М.: Юрид. лит., 1972. 584 с.
4. Толстой Ю.К. Учение о сущности уголовно-процессуального права // Вестник Ленинградского университета. 1963. № 23. С. 74-78.
5. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М.: Госюриздат, 1961. 277 с.
6. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 470 с.
7. Божьев В.П. Уголовный процесс. М.: Спарк, 2002. 704 с.
8. Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л.: Ленингр. ун-та, 1963. 197 с.
9. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М.: Юрид. лит., 1975. 176 с.
10. Шпилев В.Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск: ВГУ, 1974. 144 с.
11. Победкин А.В. Уголовное судопроизводство как форма диктатуры нравственно-здоровых сил // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : международная научно-практическая конференция к 300-летию российской полиции, 18-19 октября 2018, г. Орел.) / ред. коллегия: А.В. Гришин и др. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2018. С. 284-290.
12. Головкин Р.Б. Некоторые проблемы обеспечения права человека в условиях современного российского общества // Права и свободы человека в современном мире (к 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию принятия Всеобщей декларации прав человека): материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (10 декабря 2008 г.) : в 2 т. / под общ. ред. В. А. Толстика. Н. Новгород, 2009. Т. 1. С. 104-110.
13. Кони А.Ф. Избранные труды и речи. Тула: Автограф, 2000. 640 с.
14. Победкин А.В. Содержание уголовно-процессуального права как выражение объективной социальной потребности // Библиотека криминалиста. 2016. № 3. (26). С.110 - 118.
15. Победкин А.В. Уголовно-процессуальный закон России: на пути к отечественным нравственным ценностям // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 62-71.
16. Васильев О.Л. Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях российского уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2018. 376 с.
17. Победкин А.В. Гарантии нравственности (о нравственном значении трудов Л.Д. Кокорева) // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 59-70.
18. Строгович М.С. Судебная этика, ее предмет, сущность // Современное государство и право. 1971. № 12. С. 21-28.
19. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Котов Д.П. Проблемы судебной этики. Воронеж, 1973. 271.
20. Строгович М.С. Судебная этика, ее предмет, сущность. М.: Наука, 1971. С.89.
21. Кокорев Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. С. 118, 124, 136.
22. Кокорев Л.Д., Котов Д.П. Этика уголовного процесса. Воронеж, 1993. С. 29.

REFERENCES

1. Petruhin I.L. SChelovek i vlast' (v sfere bor'by s prestupnost'yu). M.: YUrist", 1999. 392 s.
2. Bazhanov M.I., Groshevoj YU.M. Sovetskij ugovolnyj process. Kiev: Vishcha shk., 1978. 471 s.
3. Alekseev N.S., Lukashevich V.Z., EHl'kind P.S. Ugovolnyj process. M.: YUrid. lit., 1972. 584 s.
4. Tolstoj YU.K. Uchenie o sushchnosti ugovolno-processual'nogo prava // Vestnik Leningradskogo universiteta. 1963. № 23. S. 74-78.
5. Rahunov R.D. Uchastniki ugovolno-processual'noj deyatel'nosti. M.: Gosyurizdat, 1961. 277 s.
6. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovolnogo processa. T. 1. M.: Nauka, 1968. 470 s.
7. Bozh'ev V.P. Ugovolnyj process. M.: Spark, 2002. 704 s.
8. EHl'kind P.S. Sushchnost' sovetskogo ugovolno-processual'nogo prava. L.: Leningr. un-ta, 1963. 197 s.
9. Bozh'ev V.P. Ugovolno-processual'nye pravootnosheniya. M.: YUrid. lit., 1975. 176 s.
10. SHpilev V.N. Soderzhanie i formy ugovolnogo sudoproizvodstva. Minsk: VGU, 1974. 144 s.
11. Pobedkin A.V. Ugovolnoe sudoproizvodstvo kak forma diktatury nravstvenno-zdorovyh sil // Sovremennoe

ugolovno-processual'noe pravo – uroki istorii i problemy dal'nejshego reformirovaniya : mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya k 300-letiyu rossijskoj policii, 18-19 oktyabrya 2018, g. Orel.) / red. kollegiya: A.V. Grishin i dr. Orel: OrYUI MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova, 2018. S. 284-290.

12. Golovkin R.B. Nekotorye problemy obespecheniya prava cheloveka v usloviyah sovremennogo rossijskogo obshchestva // Prava i svobody cheloveka v sovremennom mire (k 15-letiyu Konstitucii Rossijskoj Federacii i 60-letiyu prinyatiya Vseobshchej deklaracii prav cheloveka): materialy Vserossijskoj nauch.-prakt. konf. (10 dekabrya 2008 g.) : v 2 t. / pod obsch. red. V. A. Tolstika. N. Novgorod, 2009. T. 1. S. 104-110.

13. Koni A.F. Izbrannye trudy i rechi. Tula: Avtograf, 2000. 640 s.

14. Pobedkin A.V. Soderzhanie ugolovno-processual'nogo prava kak vyrazhenie ob"ektivnoj social'noj potrebnosti // Biblioteka kriminalista. 2016. № 3. (26). S.110 - 118.

15. Pobedkin A.V. Ugolovno-processual'nyj zakon Rossii: na puti k otechestvennym npravstvennym cennostyam // Sudebnaya vlast' i ugolovnyj process. 2017. № 4. S. 62-71.

16. Vasil'ev O.L. Teoreticheskie aspekty dejstviya principa spravedlivosti na dosudebnyh stadiyah rossijskogo ugolovnogo processa: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.09. M., 2018. 376 s.

17. Pobedkin A.V. Garantii npravstvennosti (o npravstvennom znachenii trudov L.D. Kokoreva) // Sudebnaya vlast' i ugolovnyj process. 2015. № 4. S. 59-70.

18. Strogovich M.S. Sudebnaya ehtika, ee predmet, sushchnost' // Sovremennoe gosudarstvo i pravo. 1971. № 12. S. 21 - 28.

19. Gorskij G.F., Kokorev L.D., Kotov D.P. Problemy sudebnoj ehtiki. Voronezh, 1973. 271.

20. Strogovich M.S. Sudebnaya ehtika, ee predmet, sushchnost'. M.: Nauka, 1971. S.89.

21. Kokorev L.D. Uchastniki pravosudiya po ugolovnym delam. Voronezh, 1971. S. 118, 124, 136.

22. Kokorev L.D., Kotov D.P. Ehtika ugolovnogo processa. Voronezh, 1993. S. 29.

Об авторе: Сухова Ирина Игорьевна, адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России

e-mail: irinaigorevna.i@yandex.ru

© Сухова И.И., 2019.

Статья получена: 15.02.2019. Статья принята к публикации: 20.03.2019.

Статья опубликована онлайн: 25.03.2019.

About the author: Suhova Irina I., postgraduate student of Faculty of training of scientific and scientific-pedagogical personnel of Academy of Administration of MIA of Russia

e-mail: irinaigorevna.i@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.